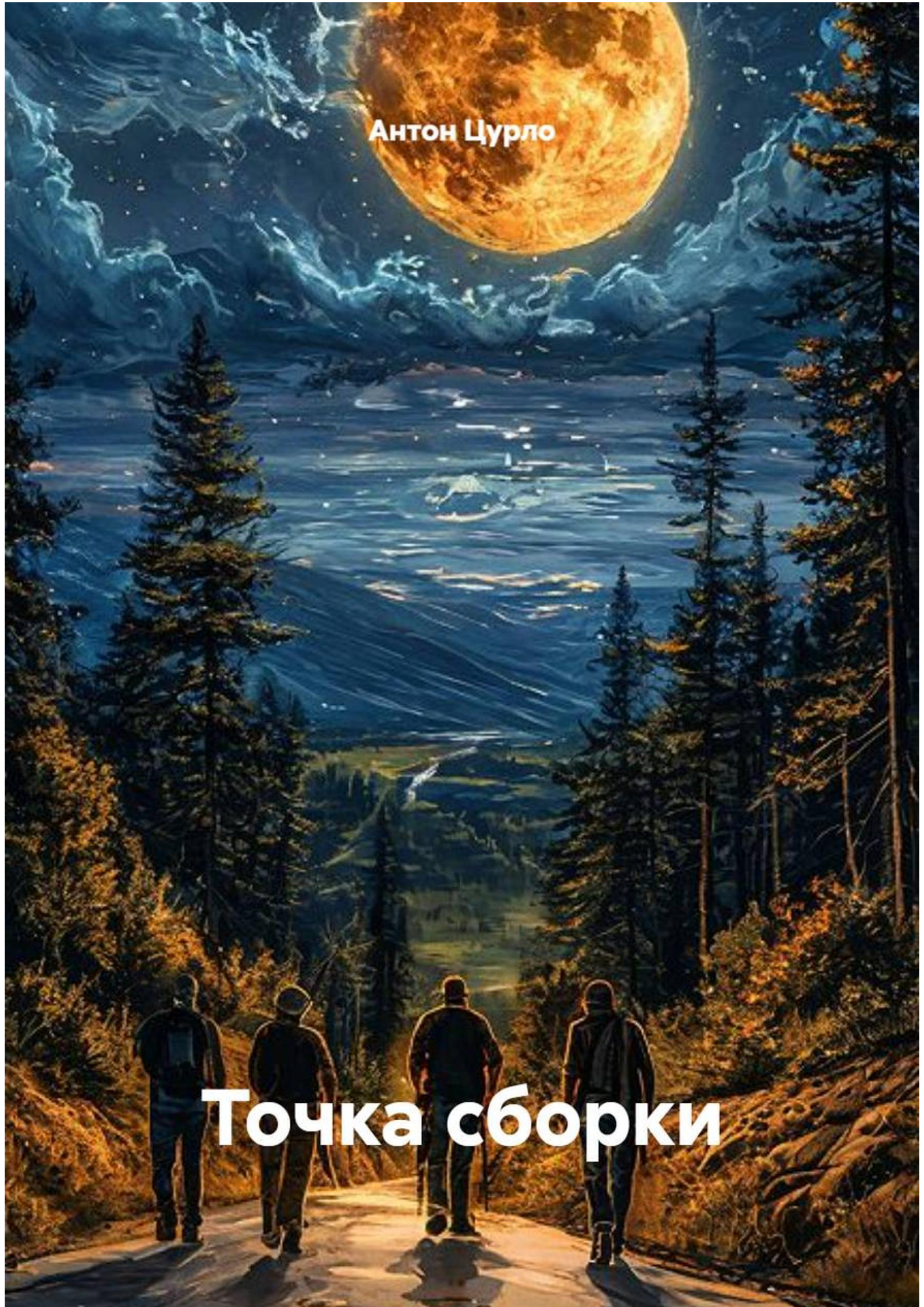

Антон Цурло

Точка сборки

АНТОН Цурло
Точка сборки

«Автор»

2026

Цурло А.

Точка сборки / А. Цурло — «Автор», 2026

Четверо мужчин, одна дорога и старая песня, которая звучит громче, чем мысли. Они едут сквозь ночь, сами не зная, куда приведёт маршрут, проложенный не навигатором, а чем-то внутри. Повесть о возвращении, в которое не веришь, пока не окажешься на месте.

© Цурло А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «М»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Антон Цурло

Точка сборки

Глава 1. «М»

(Ритм города не совпадает с моим биением сердца)
— J. Smith, «Roots»

«The rhythm of the city doesn't match my beat»

Город лежал вокруг, огромный, серый, влажный, как старая бетонная губка, напивавшаяся смогом и печной гарью. Девять утра, а солнце уже висело над проспектом мутным бельмом, не освещая, а лишь добавляя в воздух липкой, тягучей духоты. Ритм города — это гул клаксонов, вой сирен где-то в районе даунтауна, шорох шин по размягчённому асфальту. Ритм, который не совпадает с биением сердца. Слишком быстрый. Слишком рваный.

В пробке на Третьей авеню стоял чёрный Buick. Старый, но не музейный. Видно было, что за ним ухаживают — но не из тщеславия, а из какого-то угрюмого уважения к вещи, которая всё ещё работает. Машина не рычала, она тяжело, низко дышала на холостых, как зверь, которого заперли в тесной клетке.

Марк сидел за рулём. Сорок минут они стояли в этой пробке. Сорок минут он смотрел на бампер впереди стоящего внедорожника, на наклейку с каким-то идиотским слоганом, на мигающий стоп-сигнал. Левая рука крепко сжимала руль. Правая лежала на рычаге коробки передач — без явного напряжения, но и без расслабленности. Просто привычка. Контроль.

Он поднял глаза к зеркалу заднего вида.

Глаза серые, как асфальт перед дождём. Глубокие тени под ними — не от недосыпа, а от многолетней привычки смотреть только вперёд. Марк встретился взглядом сам с собой, и это было похоже на столкновение с незнакомцем. Он смотрел в собственное отражение и не видел там ничего, кроме усталости. Застарелой, въевшейся под кожу, как запах бензина.

— Ты вообще уверен, что нам сюда?

Голос сзади. Слева. Марк не обернулся. Он знал этот голос слишком хорошо.

— Навигатор сказал — прямо, — ответил Марк, не поворачивая головы.

— Навигатор сказал, — передразнил Алекс. — А я тебе говорю: там перекрыто. Ещё со вчера перекрыто. Надо было сворачивать на Шестую.

На заднем сиденье, за водительским плечом, зашуршали. Алекс возился, перекладывая что-то на коленях. То ли бумажную карту, то ли телефон — Марк не хотел уточнять. Он слышал, как Алекс нервно трёт ладони, а потом — характерный щелчок открывающейся крышки: антисептик. Резкий запах спирта мгновенно заполнил салон, перебивая даже привычный аромат старой кожи и машинного масла.

— Опять ты со своей вонючкой? — негромко сказал Марк.

— Что — «опять»? Ты про гигиену? — Алекс фыркнул. — Между прочим, на руках живёт в среднем около ста пятидесяти видов бактерий.

Марк промолчал.

Справа от Алекса сидел Райан. Он не двигался. Просто смотрел в окно на серые фасады, на рекламные щиты, на безликую толпу, текущую по тротуару. Его челюсть — тяжёлая, квадратная — была сжата так, что на подбородке проступал тонкий белый шрам. В руке он машинально крутил зажигалку Zippo. Латунь потускнела от времени, но три буквы на боку — «Z.A.M.» — были видны отчётливо. Глубокая гравировка, не потёртая, а намеренно вдавленная в металл много лет назад.

— Долго ещё? — спросил Райан, не оборачиваясь.

Голос был тихим, как шум далёкого ручья. Без интонации. Без нетерпения. Просто вопрос в пустоту.

— Наглухо стоим, — ответил Марк.

— Я заметил.

Клаксон сзади ударил по ушам. Потом ещё один. Потом ещё. Пробка дёрнулась и снова замерла. Марк почувствовал, как где-то в груди, под рёбрами, начинает затягиваться тугая, горячая пружина. Давление. Оно было не снаружи — оно шло изнутри, от этих голосов, от этого города, от этого бесконечного стояния.

Он снова посмотрел в зеркало заднего вида. Усталые серые глаза. Тени. И, кажется, что-то ещё — что-то, что он запретил себе видеть много лет назад. Какая-то тень, похожая на вопрос, на который у него не было ответа.

Пробка дёрнулась. Марк выжал сцепление и вдруг замер. Стоп-сигналы впереди расплылись в красную полосу. Дворники почему-то закрипели по сухому стеклу. В динамике телефона, зажатого в держателе на приборной панели, раздался голос — женский, механический: «Через двести метров поверните направо». Марк смотрел на дорогу, которая вела в офис, в духоту опенспейса, в гул голосов и в ворох бесконечных писем с пометкой «срочно». Смотрел и чувствовал, как пружина в груди закручивается до упора. Ещё один оборот — и она лопнет.

Он потянулся к телефону. Нажал вызов.

— Марк? Ты где? Совещание через пятнадцать минут.

— Меня не будет.

— В смысле?

— Совсем не будет. Непредвиденный отпуск. Неделя. Может, две. — Он говорил спокойно, даже буднично. — Заявление скину позже.

В трубке повисла пауза. Марк не стал ждать ответа. Сбросил.

И резко, почти агрессивно, вывернул руль вправо. Машина, взревев двигателем, сошла с полосы и нырнула в узкий просвет между краем дороги и обочиной, уходя на развязку. Сзади засигналили — зло, протяжно. Марк не смотрел в зеркала. Он вдавил педаль газа.

— Ты куда?! — Алекс сзади качнулся вперёд, едва не ударившись лбом о подголовник. Его голос сорвался на фальцет. — Тут же съезд на трассу! Нам не сюда!

— Сюда, — коротко ответил Марк.

Райан на заднем сиденье, когда машина вильнула, подался вперёд одновременно с Алексом — синхронно, как будто их тела подчинялись одной и той же невидимой силе. Но он ничего не сказал. Только зажигалка перестала крутиться в его пальцах.

Город оборвался внезапно. Ещё минуту назад за окнами теснились серые коробки офисов, заводские цеха, билборды — и вдруг всё исчезло. Осталась только трасса.

Двигатель загудел ровнее. Старый Buick, вырвавшись из тисков пробок, словно сам вздохнул с облегчением и начал пожирать километры. Марк переключился на пятую передачу и впервые за утро чуть расслабил пальцы на руле. Стрелка спидометра поползла вправо. За окнами потянулись поля — бесконечные, серо-зелёные, под низким небом. Иногда мелькали фермы, покосившиеся амбары, одинокие деревья, скрученные ветром. В салоне гудел мотор, шуршали шины, посвистывал воздух в щелях дверей — и всё это сливалось в ровный, гипнотический шум. Никто не говорил. Райан смотрел в окно. Алекс протирал руки антисептиком. Каждый думал о своём. Дорога не требовала разговоров — она просто несла их вперёд.

И вдруг — тишину разорвал голос навигатора.

Женский, механический, безэмоциональный — тот самый, который вёл их по городу. Но теперь он звучал иначе. Словно говорил не из динамика телефона, а изнутри, из-под приборной панели, из самого нутра машины.

— Маршрут перестроен. Пункт назначения: неизвестен

Марк нахмурился. Он не вводил новый адрес. Он вообще не касался навигатора с тех пор, как выехал из города.

Он покосился на экран. Там, где раньше была карта с проложенным маршрутом к офису, теперь пульсировала только одна надпись:

«Пункт назначения: неизвестен».

Марк хотел нажать кнопку перезагрузки — но не стал. Что-то остановило его. Тёплое, смутное чувство, которое шепнуло: «Не надо. Просто езжай».

Он убрал руку от телефона и снова посмотрел на дорогу.

День прошёл в дороге. Марк вёл машину почти без остановок — только один раз заехал на заправку, чтобы залить полный бак. Алекс тогда тоже выходил — купил себе ещё один флакон антисептика и пачку влажных салфеток. Райан остался в машине. Он вообще почти не шевелился. Сидел, смотрел в окно, крутил зажигалку. Часы на приборной панели показывали сначала полдень, потом два, потом четыре. Пейзаж за окном менялся медленно, как в старом слайд-шоу: пригороды сменились промзонами, промзоны — пустырями, пустыри — редкими лесами. Дождь то начинался, то стихал, то снова принимался барабанить по крыше.

К вечеру трасса опустела окончательно и зарядил основательный дождь — плотный, он стучал по крыше и капоту, размывая в серую акварель редкие огни встречных машин. Свет фар выхватывал из темноты мокрый асфальт, редкие деревья, покосившиеся указатели. Марк уже подумывал о том, чтобы остановиться на обочине и размяться, когда впереди, в сгущающихся сумерках, замигал неон.

Вывеска. Старая, ещё тех времён, когда придорожные кафе называли «динерами», а не «кофейнями». Буквы горели красным и синим — «DINER» — и под ними светилось тёплым, жёлтым светом большое окно, за которым угадывались силуэты столиков.

Марк сбросил скорость и свернул на гравийную парковку.

— Я на пять минут, — сказал он, не оборачиваясь.

Сзади что-то буркнули — кажется, Алекс про то, что пять минут превратятся в полчаса. Марк не ответил. Заглушил двигатель, вышел из машины и захлопнул дверцу.

Дождь сразу же хлестнул по лицу. Холодный. Говорящий о скором приближении осени. Марк поднял воротник куртки и быстро пересёк парковку. Гравий хрустел под ногами. Неон на мокрых камнях, разбивался на сотни цветных осколков.

Колокольчик над дверью звякнул.

Внутри пахло кофе, выпечкой и старым деревом. Пахло уютом — тем самым, который не купишь за деньги, который накапливается годами, как налёт на стенах, как вытертые до блеска подлокотники. Где-то в углу тихо играл музыкальный автомат — что-то старое, кантри, с банджо и низким мужским голосом. Марк не узнал песню, но ритм — спокойный, уверенный — отозвался где-то внутри.

За стойкой стояла она.

Молодая. Лет двадцати пяти, может, чуть больше. Тёмные волосы собраны в хвост, на форменной рубашке — овальный бейджик: «Debra». Она подняла глаза на вошедшего, и Марк на секунду замер. Не потому, что она была красива — хотя она была красива, — а потому, что в её взгляде не было ни показного энтузиазма, ни дежурной усталости. Просто спокойное внимание.

— Добрый вечер, — сказала она. — Располагайтесь. Кофе?

— Да, — Марк сел за стойку, положил руки на прохладную поверхность. — Чёрный. И... что-нибудь поесть.

— Пирог с черникой. Домашний. Рекомендую.

— Давайте.

Она повернулась к кофемашине. Марк смотрел, как она ловко орудует рычагом, как пар поднимается над чашкой. В автомате сменилась пластинка — теперь играло что-то ещё более старое, с хрипотцой винила.

Дебора поставила перед ним чашку.

— Вы издалека? — спросила она.

— Из города.

— Я поняла. — Она чуть усмехнулась. — У вас на лице написано.

— Что именно?

— «Задолбался».

Марк неожиданно для себя усмехнулся в ответ. Усмехнулся — не криво, не сдержанно, а почти по-настоящему. Как будто какая-то пружина внутри ослабила один виток.

— В точку, — сказал он.

Дебора поставила перед ним тарелку с пирогом, подвинула вилку.

— Знаете, у нас тут часто такие останавливаются, — сказала она, облачаясь на стойку. — Те, кто «из города». Они все выглядят одинаково. Как будто несут что-то тяжёлое. А потом — кто-то из них возвращается. И лица уже другие.

— Какие?

— Живые.

Марк замер с вилкой в руке. Слово «живые» ударило куда-то под дых. Он не знал, что ответить, и просто отпил ещё кофе.

Дебора смотрела на него спокойно, без жалости. Потом убрала чашку, которую он допил, и вдруг, чуть замешкавшись, сказала:

— Ешьте. Корни иногда нужно подкармливать.

Марк поднял на неё глаза. Слово «корни» повисло в воздухе — плотное, тёплое, как пар над чашкой. И в тот же миг голос из музыкального автомата как будто стал громче и отчетливее.

«I'm going back to the roots...»

(«Я возвращаюсь к корням...»)

Марк вздрогнул. Какая-то невидимая игла вошла под рёбра — не больно, но точно. Он смотрел в свою чашку, в чёрную поверхность остатков кофе, и вдруг увидел там не своё лицо, а смутный силуэт. Чей-то. Слишком знакомый. Он моргнул — и видение исчезло.

Дебора стояла за стойкой, спокойная, ждущая.

Марк молчал. Песня продолжалась:

«Tracing my roots through muddy waters and muddy wounds...»

(«Я иду к своим корням сквозь мутную воду и грязные раны...»)

— Я, наверное, возьму ещё кофе, — сказал он, и голос почему-то сел. — Две чашки.

Дебора, убиравшая чашки, заметила его взгляд.

— «Roots», — сказала она. — J. Smith. Хорошая песня, хоть и кавер.

— Да, — ответил Марк. — Хорошая. Он расплатился. Дебора положила перед ним чек и вдруг, чуть поколебавшись, добавила:

— Знаете... иногда, чтобы доехать, нужно просто перестать держаться за руль так сильно.

Марк поднял на неё глаза. Она не улыбалась. Просто смотрела — спокойно, прямо, без тени жалости или осуждения.

— Спасибо, — сказал он.

Вышел под дождь.

Парковка была пуста. Только чёрный Buick, поблёскивая мокрыми боками, стоял под фонарём. Марк подошёл, взялся за ручку двери — и вдруг остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.